

“ПИКОВАЯ ДАМА” В “МЕРТВЫХ ДУШАХ” ГОГОЛЯ

© 2011 г. В. Ш. Кривonos

В статье рассматривается принцип пародирования “Пиковой дамы” в “Мертвых душах”, что позволяет прояснить и некоторые аспекты проблематики гоголевской поэмы.

The paper is concerned with principles of parody Gogol follows in “The Dead Souls” where he parodies “The Queen of Spades”. The analysis helps to bring to light a number of important aspects of Gogol’s poem.

Ключевые слова: аналогия, игра, случай, судьба, карты, шашки, пародия.

Key words: analogy, game, chance, fate, cards, checkers, parody.

Отражения “Пиковой дамы” в тексте “Мертвых душ” не раз уже отмечались исследователями, обратившими специальное внимание на тематические переключки и сюжетно-образные параллели, тесно связавшие пушкинскую повесть и гоголевскую поэму в русском литературном процессе (ср. замечания о роли и функции контактов произведений разных авторов “в пространстве целой литературы” [1, с. 8]; речь идет не о “влиянии”, учитывая широкий “диапазон связей” между произведениями, но о “творческих состязаниях”: “Эти случаи творческих соприкосновений, может быть, наиболее интересны, – но и трудны для изучения” [2, с. 274]).

Так, А. Белый обнаружил аналогию между отношениями Германна с графиней и Чичикова с Коробочкой; последняя, подобно графине, наделена функцией рока (“Коробочка – рок” [3, с. 113]), почему встреча с ней и оказалась “не к добру”: “по словам Коробочки: с оружием в руках Чичиков требовал от нее мертвых душ; сдалась, дав письмо к протопопову сыну (три карты); письмо – подвело. <...> Коробочка, как привидение, потащила за Чичиковым” [3, с. 114] (ср.: [4, с. 193–196; 5, с. 114]). Аналогия, правда, может показаться произвольной (сравнение письма с тремя картами, а Коробочки с привидением), но дело не в буквальном совпадении деталей, а в схеме сюжета и ее символическом наполнении; в этом смысле наблюдения А. Белого выглядят не просто остроумными, но и верно схватывающими и подмечающими суть отмеченного им сходства.

Коробочке между тем суждено сыграть роль не только графини, но и пиковой дамы – роковой карты, которую Чичиков случайно (поскольку к Коробочке он заехал случайно) выдергивает из колоды помещиков, не подозревая о фатальных для себя последствиях встречи с помещицей,

к которой, заблудившись, напросился “переночевать” [6, с. 44]. И роль эта – пародийная, так как пародийна сама направленность гоголевской поэмы на пушкинскую повесть, сюжетные эпизоды которой переводятся таким образом в другую систему значений (ср.: [7, с. 293–294]; см. также [8, с. 159] со ссылками на литературу вопроса).

Германн является к графине, чтобы та открыла ему тайну трех карт: “Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках...” [9, с. 226]. Молчание графини вызывает у него сердитую реакцию: “– Старая ведьма! – сказал он, сниснув зубы, – так я ж заставлю тебя отвечать...” [9, с. 226]. *Счастье* Чичикова, предлагающего уступить ему мертвые души, находится в руках Коробочки, которая затрудняется с ответом, так как “мертвых еще никогда не продавала” [6, с. 51]. Разговор с Коробочкой выглядит пародийной проекцией эпизода из “Пиковой дамы”: “Эк ее, дубинноголовая какая! – сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения. – Пойди ты сладь с нею! в пот бросила, проклятая старуха!” [6, с. 52–53].

Дело идет о воссоздании и пародийном разрушении Гоголем пушкинского стиля, когда мир пушкинской повести становится предметом изображения и в этом смысле *героем* пародии (см. о принципах пародийной стилизации: [10, с. 175–176]).

Так, слова Томского в *мазурочной болтовне* с воспитанницей графини, ожидавшей свидания с Германном, что у того “профиль Наполеона”, “глубоко заронились в душу молодой мечтательницы. Портрет, набросанный Томским, сходствовал с изображением, составленным ею самою, и, благодаря новейшим романам, это уже пошлое лицо пугало и пленяло ее воображение” [9, с. 228].

Потом, в ее комнате, он действительно напомнил ей “портрет Наполеона”, удивительное сходство с которым “поразило даже Лизавету Ивановну” [9, с. 229].

Чиновники, озабоченные, “не есть ли Чичиков переодетый Наполеон” [6, с. 205], хоть и не пове-рили этому, но “нашли, что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона”, а полицеймейстер, который “лично видел Наполеона, не мог тоже не созна-ться, что ростом он никак не будет выше Чичикова и что складом своей фигуры Наполеон тоже, нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так чтобы тонок” [6, с. 206].

В предположении чиновников была увидена «пародийная цитата соответствующего места из “Пиковой дамы”» [11, с. 148]. Подобное цитиро-вание тем более показательно, что в пародийном освещении предстают у Гоголя не только отдель-ные описания, но сюжет и образы пушкинской повести, а Чичиков оказывается пародийным дуб-лером пушкинского героя, подчеркнуто лишен-ным романтического ореола (восприятие другими персонажами “предопределяет неизбежность ро-мантического ореола, которым окружен в повести Германн” [12, с. 116]).

Карточная игра, которую ведет Германн, пре-вращается «в символ жизни, управляемой роком и случаем. Пиковая дама обозначает в этом плане “тайную недоброжелательность” рока. Рок от-делен от образа старухи, хотя и действует через нее. Старуха является лишь орудием, послушной картой в руках той силы, которая царит над игрой и жизнью» [13, с. 202]. Чичикова, сбившегося с дороги, приводит к Коробочке случай, принимаю-щий облик судьбы: “Но в это время, казалось, как будто сама судьба решила над ним сжалиться” [6, с. 43]. Коробочка, обеспокоенная, “чтобы как-нибудь не надул ее этот покупатель” [6, с. 52], и поехавшая в город, “чтобы узнать наверно, по-чем ходят мертвые души” [6, с. 177], является орудием не рока или случая, а судьбы, которая действует через нее, но от нее не отделена. Ведь к Коробочке Чичиков попадает благодаря судьбе, которая над ним *сжалилась*; гоголевскому герою в полной мере придется потом изведать, что такое ирония судьбы.

Из рассказа помещицы дамы сотворят “совер-шеннейший роман” (в духе *новейших романов*, питавших воображение пушкинской *мечтатель-ницы*), будто Чичиков «является вооруженный с ног до головы вроде Ринальда Ринальдина и требует: “Продайте, – говорит, – все души, кото-рые умерли”. Коробочка отвечает очень резонно,

говорит: “Я не могу продать, потому что они мертвые”. “Нет, – говорит, они не мертвые, это мое, – говорит, дело знать, мертвые ли они или нет; они не мертвые, не мертвые, – кричит, – не мертвые!”» [6, с. 183]. Так графиня клянется Германну, что “это была шутка” [9, с. 225], тогда как Германн сердится и требует, чтобы она назна-чила ему “три верные карты” [9, с. 226].

Случайная встреча с “дубинноголовой” поме-щицей обернулась для Чичикова неожиданным поворотом судьбы, породив не только *совершен-нейший роман*, но и толки и сплетни, подорвавшие его репутацию. Но и дамы оказались такими же “дубинноголовыми”, как *очень резонно* ответив-шая Коробочка, наделенная “примитивным со-знанием” [14, с. 109]. Чичиков надеялся на успех задуманной им авантюры, так как убежден был, “что предмет-то покажется совсем невероятным, никто не поверит” [6, с. 240]. И *предмет* в самом деле показался *совсем невероятным* воображе-нию дам, не менее примитивному, чем сознание Коробочки: “– Это просто выдуманно только для прикрытия, а дело вот в чем: он хочет увезти гу-бернаторскую дочку” [6, с. 185].

Любовная интрига, в которую впустили Чичи-кова дамы, также обнаруживает в нем свойства пародийного дублера Германна; происходит тра-гическое перевертывание сюжетной ситуации “Пиковой дамы”, связавшей молодого инженера и воспитанницу графини.

Очутившись перед домом графини, куда при-влекла его, казалось, “неведомая сила”, Германн “стал смотреть на окна” и “увидел свежее личико и черные глаза. Эта минута решила его участь” [9, с. 220]. Однако “страстные письма” к Лизаве-те Ивановне и “дерзкое, упорное преследование” были, как она убеждается, не проявлением любви (“Не она могла утолить его желания и осчаст-ливить его!”), а лишь способом проникнуть в дом, чтобы выведать у графини тайну трех карт: “Деньги, – вот чего алкала его душа!” [9, с. 229].

Встретив на дороге молоденькую незнакомку, “овал лица” которой “круглился, как свеженькое яичко” [6, с. 90], Чичиков размышляет: “Вот если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее мог бы выйти очень, очень лакомый кусочек. Это бы могло соста-вить, так сказать, счастье порядочного человека” [6, с. 93]. Те же “двести тысяч капиталу” уже тре-вожат воображение Чичикова, когда его осеняет мысль закупить “всех этих, которые вымерли” [6, с. 240]. Словом, денег *алкала* и его душа; деньги и были движущим мотивом его поступков. Но на балу у губернатора он вновь увидел “све-

женькую блондинку” [6, с. 166] и “вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него”, сильно обидев своим “решительным невниманием” [6, с. 167] дам. И дамы, превратив Чичикова в похитителя дочери губернатора, с которой он будто виделся “в саду при лунном свете” [6, с. 191], так его *осчастливили*, что вынудили поскорее убраться из города.

Германн явился перед Лизаветой Ивановной “молодым мужчиною” [9, с. 221]; он говорит с нею на языке страсти, выражавшем “непреклонность его желаний” [9, с. 223]. Чичиков же “был средних лет и осмотнительно-охлажденного характера” [6, с. 92–93]. К губернаторской дочке его влечет отнюдь не *неведомая сила*; он хоть и почувствовал себя внезапно “чем-то вроде молодого человека”, однако странное свое состояние “не мог себе объяснить” [6, с. 169]. Но если верно, что герой поэмы, пародийно снижая образ Германна, “сохранил лишь безнадежную прозу авантюризма ради денег” [11, с. 249], то верно и то, что у дам были основания навязать ему судьбу романтического любовника, а не алчущего денег авантюриста. Ведь новая встреча с блондинкой действительно заставила Чичикова позабыть про *двести тысяч*. Однако *участь* Чичикова “эти несколько минут” [6, с. 169] не решили.

Черты пародийного дублера Германна явно проступают в Чичикове и в ситуации с Ноздревым.

Имея “сильные страсти и огненное воображение” и “будучи в душе игрок” [9, с. 219], Германн ищет возможность “освободить игру от власти случая и случайности” [13, с. 187]. Знание тайны трех карт позволит, как ему кажется, “изгнать случай из мира и своей судьбы” [15, с. 405]. Чичиков же *в душе* не игрок, а “приобретатель” [6, с. 241]. Он вообще не игрок, но путь к *приобретению* и в его ситуации оказался связан с игрой.

Чичиков, правда, не соглашается на предложение Ноздрева метнуть “банчик”:

“ – Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности, – говорил Чичиков, и между тем взглянул искоса на бывшие в руках у него карты. Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый крап глядел весьма подозрительно” [6, с. 81]. Ноздрев склонен к нечестной игре, что ни для кого не тайна; уже при первом знакомстве с ним Чичиков видел, что “полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил” [6, с. 17].

Неизвестность здесь – пародийный аналог случая, поскольку ею управляет Ноздрев; если “случай принципиально непредсказуем” [16, с. 42], то *неизвестность*, на которую ссылается Чичиков, вполне предсказуема. Поэтому вряд ли, имея в виду *неизвестность*, можно говорить о нежелании его “участвовать в игре случая, то есть *рисковать*” [17, с. 310] (см. о пародировании Чичиковым Германна в аспекте “моделирующей функции карточной игры” [17, с. 313]). Но вот сыграть в шашки, чтобы выиграть мертвые души, Чичиков соглашается. Как убеждает его Ноздрев, “тут никакого не может быть счастья или фальши: всё ведь от искусства”; Чичиков и сам полагает, что в шашечной игре *неизвестности* он не подвергается: “В шашки игрывал я недурно, а на штуки ему здесь трудно подняться” [6, с. 84].

Германна сомнения не оставляют и тогда, когда он воображает, как графиня откроет ему “свою тайну”: “Да и самый анекдот?.. Можно ли ему верить?.. Нет! расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты...” [9, с. 219]. И Чичикову свойственны *расчет, умеренность и трудолюбие*; в биографии рассказывается, как “решился он жарко заняться службою, всё победить и преодолеть” [6, с. 228], как, потерпев неудачу, “решился он сызнова начать карьер, вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем” [6, с. 233]. Ср. также его поведение на таможне: “Расчет был слишком верен. Тут в один год он мог получить то, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы” [6, с. 236].

На верный расчет полагается Чичиков и в игре в шашки, не предвидя, однако, что шашечный поединок с Ноздревым превратится в *анекдот*. Чичиков собирался сыграть в шашки наверняка, не вняв, однако, предупреждению Ноздрева: “я совсем не умею играть”; он не умеет играть по правилам, полагаясь исключительно на *искусство* передвигать шашки, почему и ходит “по три шашки вдруг”, да еще продвигая одну из них “в дамки” [6, с. 84]. Чичиков “все ходы считал” и убежден, что Ноздрев играет не так, “как прилично честному человеку”, но Ноздрев, требуя продолжения игры, уверяет, что не стал бы “плутовать” и что помнит “все ходы” [6, с. 85]. Но “ходы” каждый из игроков считает, конечно, по-своему: Чичиков в соответствии с правилами, а Ноздрев в соответствии с *искусством*.

В карточной игре очевидна роль случая, от вмешательства которого не спасает и расчет, основанный на знании *верных карт*: “Германн

вздрыгнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться» [9, с. 237]. Другое дело, обдернулся ли он случайно или потому, что так угодно было случаю и року. Но вот шашки “в отношении этой игры к случаю” – действительно ли они “не являются чистым состязанием интеллектуальных способностей и профессионально-игровых навыков” и “включают и элемент случайности”, что предполагает “готовность героя *рисковать*”? [17, с. 316].

Игра в шашки непредсказуема в том смысле, что каждый ход открывает новые возможности для игроков, от которых требуется умение просчитать игру на несколько ходов вперед; элемент случайности присущ ей в той мере, в какой он вообще присущ игре, так как человек не автомат и может ошибиться. Причем простые и понятные правила существенно уменьшают здесь степень риска; поэтому шашки в первую очередь состязание интеллекта и мастерства, приобретаемого опытом практической игры.

С Ноздревым, как и с Коробочкой, Чичикова как будто бы сводит случай, но в действительности, если верить Ноздреву, их “судьба свела” [6, с. 66]. Чичиков предпочел картам шашки не только потому, что *штуки* в них, если соблюдать правила, невозможны. Он не стремится, в отличие от Германна, изгнать случай из своей судьбы, но делает ставку на умение играть и на имеющийся у него опыт игры, требующей, кроме навыков, и определенного склада ума. Именно шашки и являются моделью судьбы героя, у которого не было “способностей к какой-нибудь науке”, но оказался зато “большой ум с другой стороны, со стороны практической” [6, с. 225]. Цель же Чичикова, если уподобить его судьбу (как он ее понимает) игре в шашки, заключалась в том, чтобы пройти в дамки.

Биография героя как раз и демонстрирует это умение проходить в дамки, используя свой *большой ум* – ум *со стороны практической*. Коробочка, напомним, побаивалась, как бы Чичиков ее не *надул*, но Чичиков, заговорив с ней про “казенные подряды”, действительно ведь “прилгнул” и так “неожиданно удачно” [6, с. 54], что следом получил согласие продать ему мертвые души. В биографии рассказывается о характерной реакции учителя, узнавшего о некрасивом поступке Чичикова: “Эх, Павлуша! вот как переменеется человек! Ведь какой был благоденный, ничего буйного, шелк! Надул, сильно надул...” [6, с. 228]. Поступив на службу, Чичиков сумел найти подход к суровому понытчику, хлопотами

которого получил “вакантное место”, после чего о свадьбе на дочери бывшего начальника “дело и замялось”, так что понытчик при встрече «произносил себе под нос: “Надул, надул, чортов сын!”» [6, с. 230].

Чичиков поддался на уговоры Ноздрева заехать к нему, подумав, что “у него даром можно кое-что выпросить” [6, с. 69]. Поняв, что просчитался, он бранит себя, “что заговорил с ним о деле”: «“Просто дурак я”, – говорил он сам себе» [6, с. 82]. Согласившись играть с Ноздревым в шашки, он вновь попадает в положение “дурака”. Просчет Чичикова в том, что с Ноздревым вообще нельзя было иметь дело: он хоть и горазд “на всё” [6, с. 69], как думает Чичиков, но *даром*, как ранее ему пришлось уже убедиться, ничего не отдаст.

Жизненная стратегия Чичикова, как и его стратегия игры в шашки, основана на роли *ума* (*со стороны практической*), который обнаруживается в его способности *надувать*. Закладывая в казну (в качестве поверенного) чужое имение, он беспокоится, что “половина крестьян вымерла”: «“Да ведь они по ревизской сказке числятся?” – сказал секретарь. “Числятся”, – отвечал Чичиков. “Ну, так чего же вы оробели? – сказал секретарь, – один умер, другой родился, а всё в дело годится”» [6, с. 239]. Графиня, явившись в видении к Германну, открывает ему тайну трех карт: “Все мысли его слились в одну, – воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила” [9, с. 234]. Чичикову тайна возможного обогащения не стоила ничего – совет, которым герой решает воспользоваться (своего рода *верные карты*), он получает *даром*. Решаясь на аферу с мертвыми душами и опасаясь, “чтобы как-нибудь еще не досталось”, он успокаивает себя: “Ну да ведь дан же человеку на что-нибудь ум” [6, с. 240]. Но ум вновь и вновь почему-то подводит героя – и жизненная его стратегия, как и стратегия шашечная, терпит крах.

Во втором томе Чичиков будет жаловаться Муравову: “Но ведь судьба какая, Афанасий Васильевич. Досталась ли хоть одному человеку такая судьба?” [18, с. 110]. И далее: “Что ж за несчастье такое, скажите, – всякой раз, что как только начинаешь достигать плодов и, так сказать, уже касаться рукой... вдруг буря, подводный камень, сокрушение в щепки всего корабля” [18, с. 111]. Неожиданность и внезапность – типичные свойства случая. С Чичиковым все время что-то случается и случается как бы не по его воле, само собой, и потому от него не зависит; именно так он видит свою судьбу сквозь призму непонятной для него уязвимости человека.

Антропологическая перспектива определяет “ всю проблематику судьбы и случая ” [16, с. 51], которые “ действуют в разных, непересекающихся пространствах ” [19, с. 140]. И если Германн тяготеет к пространству случая, то Чичиков принадлежит пространству судьбы. События же, из которых складывается его судьба, несут в себе непостижимый для него смысл; неудачи и житейские поражения героя суть манифестации его судьбы, значение которых ему еще предстоит разгадать. И не только ему, но и читателям поэмы: ведь “ страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес ” [6, с. 242].

Германн не властен над случаем и становится игрушкой в руках рока. Ср.: “ В ту минуту, когда Германну кажется, что он играет (причем – наверняка), оказывается, что им играют ” [15, с. 406]. Чичиков же, не подозревающий о характере влекущей его страсти, не властен над предначертанной ему свыше и неисповедимой судьбой; отличие его истории от истории Германа в том, что им не играют, а ведут его. Так открывается настоящий смысл пародийной направленности “ Мертвых душ ” на “ Пиковую даму ”: суть не просто в переводе серьезного образа пушкинского стиля в комический план, а в усилении символического содержания пушкинской повести – усилении, раскрывающем значимое родство комического и серьезного (об идее пародии см.: [20, с. 494–497]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999.
2. Вацуро В.Э. “Моцарт и Сальери” в “Маскараде” // Вацуро В.Э. Записки комментатора. СПб., 1994.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. М, 1996.
4. Турбин В.Н. О литературных источниках одного эпизода поэмы Гоголя “Мертвые души” // Замысел, труд, воплощение... М., 1977.
5. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя “Мертвые души”. Л., 1987.
6. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. VI. [М.; Л.], 1951.
7. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
8. Кривонос В.Ш. Пародия // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Изд. 4. Т. 6. Л., 1978.
10. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
11. Лотман Ю.М. Пушкин и “Повесть о капитане Копейкине”. К истории замысла и композиции “Мертвых душ” // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
12. Сидяков Л.С. Художественная проза А.С. Пушкина. Рига, 1973.
13. Виноградов В.В. Стиль “Пиковой дамы” // Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
14. Федоров В.В. О природе поэтической реальности. М., 1984.
15. Лотман Ю.М. “Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. II. Таллинн, 1992.
16. Топоров В.Н. Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
17. Падерина Е.Г. К творческой истории “Игроков” Гоголя: история текста и поэтика. М., 2009.
18. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. VII. [М.; Л.], 1952.
19. Топоров В.Н. Эней – человек судьбы: К “средиземноморской” персонологии. М., 1993. Ч. I.
20. Фрейденберг О.М. Происхождение пародии // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту, 1973.